

УДК 316.752

DOI 10.23683/2227-8656.2018.4.6

**МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКО-
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВАНИЯ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ЭКОПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ
НАСЕЛЕНИЯ КРЫМА**

**WORLDVIEW AND
METHODOLOGICAL BASIS FOR
THE ECOLOGICAL AND LEGAL
VALUES OF THE POPULATION
IN THE
REPUBLIC OF CRIMEA**

Захарова Вера Александровна

Кандидат философских наук,
старший научный сотрудник
Крымского филиала ФНИСЦ РАН;
старший преподаватель кафедры
гуманитарных и социально-экономических
дисциплин Крымского филиала
Российского государственного
университета правосудия,
г. Симферополь, Россия,
e-mail: zakharova7vera@mail.ru

Vera A. Zakharova

Candidate of Philosophical Sciences,
Senior Scientist, Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
(Crimean branch);
Senior Teacher, Department of Humanitarian
and Socio-Economic Disciplines,
Russian State University of Justice
(Crimean branch), Simferopol, Russia,
e-mail: zakharova7vera@mail.ru

В статье раскрываются значение и обоснование императивной смены содержания экологических программ, в частности для их реализации в Республике Крым.

Методологическая специфика исследования заключается в экософско-правовой рефлексии систем познания и реализации права как средства гармонизации отношений в экосфере и обеспечения функционирования экологических ценностей. Обосновывается, что результатом применения экософского

The article reveals the significance and rationale for the imperative change in the content of environmental programs, in particular, for their implementation in the Republic of Crimea.

The methodological specificity of the research is the ecosophical-legal reflection of the systems of cognition and realization of law as a means of harmonizing relations in the ecosphere and ensuring the functioning of environmental values. It is substantiated

подхода должна стать парадигмальная смена духовно-творческой ориентации правосубъектности человека, направленная на оптимизацию использования социумом природных ресурсов, в том числе и человеческих, которые, к сожалению, затрачиваются на борьбу людей между собой и с природной средой, а также переключение этих сил на солидарное сотворчество властных институтов государственности и гражданского общества как условие выведения каждого субъекта права и социума в целом на уровень сознательных аттракторов гармонизации правоотношений в экосоциосфере.

Ключевые слова: гармонизация; ментальность; мировоззрение; право; Республика Крым; Россия; социум; экософско-правовая рефлексия; экологические ценности; экологические программы.

that the result of using the ecosofic approach should be a paradigmatic change in the spiritual and creative orientation of the person's legal personality, aimed at optimizing the use of natural resources by the society, including. and human, which, unfortunately, are spent on the struggle of people between themselves and with the natural environment, and also the switching of these forces to the joint creation of the state power institutions and civil society as a condition for the withdrawal of each subject of law and society as a whole to the level of conscious attractors of harmonization of legal relations in the ecosociosphere.

Keywords: harmonization; mentality; world outlook; law; the Republic of Crimea; Russia; society; ecosophical-legal reflection; ecological values; ecological programs.

Введение

Еще на исходном уровне ментальности человечества была определена зависимость людей от действия законов мироздания и осмыслена необходимость созидания ими социальной жизни по законам, согласующимся с закономерностями развития биосферы. Отсюда исходит понимание экоса как жилища человечества, без которого оно не способно быть тем, кем есть, и только в связи с которым оно может существовать, воспроизводя в своей жизни нормы биосферных законов, гарантируя тем самым себе безопасность. Такова исторически сформировавшаяся экософская позиция для понимания природы человека как существа, наделенного правом быть уникальным творением, т.е. социальным агентом, правосубъектно выстраивающим свои отношения в экосфере. Такой правовой статус социально организованных представителей человеческого общества исходит из возможностей их самореализации, заключающихся в их творческих способностях, разуме, воле, духовной сфере. В этом контексте и феномен права предстает как сущностное отражение дуальной природы человеческого существа, обязующей его по статусу быть ответственным и за собственную жизнь, и за сохранение потенциала биосферного многообразия.

Впрочем, экофильный тип мировосприятия на протяжении всей сознательной истории человечества испытывает противодействие адептов техногенной модели развития цивилизации. Последние вносят

дисбаланс в структуру взаимосвязанных элементов экосферы, которая сотни тысяч, а может быть и миллионы, лет формировалась в соответствии с действием законов природной эволюции. Этот очевидный факт доказан, в частности, представителями синергетической теории жизни. Так, один из них, О. Овезгельдыев, подчеркивал по этому поводу следующее: «Ныне эволюция человека находится в глубоком кризисе, так как он, разрушая архетипический феномен самости и, соответственно, утрачивая свою религиозную духовность, все более трансформируется в фазу позитивистского человека (на религиозном языке – в дьявола, мельгуна), который вместо духовного способа адаптации использует негативную адаптацию, т.е. адаптацию, ориентированную на господство человека над природой. Поэтому ему свойственны замыкание на самом себе, отчуждение, меркантильное отношение к внешнему миру и “цивилизованное” (или техническое) варварство. Именно в этом заключаются причины всех аномалий и катастрофичность существования современного человека» (Овезгельдыев, 2009. С. 25).

Обзор обсуждения проблемы

Нельзя отрицать, что за последние полвека в условиях обострения последствий антропогенной нагрузки зарубежной и отечественной научной мыслью наработана серьезная парадигмальная база для конструирования моделей ценностного ориентирования субъектов социоприродного взаимодействия, нацеленного на преодоление экокатастрофических перспектив развития современной цивилизации (Borrmann, 1991; Герасимов, 2008; Йонас, 2001; Lovelock, 2001; Лосев, 2011; Catton, 1978; Майер-Абих, 2004; Naess, 1993; Nash, 1988; Попкова, 2014; Rolston, 1974; Сосунова, 2014; Хеффе, 2007; Хёсле, 1993; Higgins, 1978; Шефель, 2000; Яницкий, 2006). Вместе с тем очевидны и присущие ей ограничения.

В поле зрения ученых, прежде всего социальных философов и социологов, занимающихся вопросами формирования экологической культуры личности, к сожалению, все еще недостаточное место занимает такая важная для понимания перспектив развития современного российского общества проблема, как интеграция правового и экологического сознания и воспитательных средств его формирования на основе рефлексии предельных оснований экологического права, являющегося составной частью правовой реальности, которая, в свою очередь, органично вписывается в реальность социальную в качестве ее системообразующей составляющей. При этом уровни феномена эколо-

гического права, охватывающие и его ментальную часть, и производные уровни – правотворчества и правоприменения, до сих пор в научном смысле не исследованы достаточным образом и тем более комплексно, во всей полноте их взаимопроникновения. Этим грешат почти все экологические исследования.

Как представляется, имеющие место глубокие исследования в области природопользования, раскрывающие экокатастрофический характер безответственного истощения невозполняемых природных ресурсов, в лучшем случае пробудили рост этически обличительной публицистики и природоохранных общественных движений, не затрагивая при этом научное обоснование значения осуществления мировоззренческого поворота в планетарных масштабах на основе эффективного использования возможностей экологического права для выполнения человечеством миссии гармонизатора субъект-объектных правоотношений в экосфере.

Первые серьезные попытки устранить этот изъян можно связать с научной и законотворческой деятельностью немецких ученых К.М. Майер-Абиха и В. Хёсле. Но по-настоящему концептуально к социально-философскому осмыслению этой проблематики удалось подойти с позиций разработки концепции экософии права как философского учения о гармонизации отношений человека и его социума с природной средой на основе использования в качестве основополагающего регулятива императивно обновленного экологического права. Такая попытка впервые была предпринята в работах С.В. Шефеля, который на рубеже XX – XXI вв. начал совместно с К.И. Шилиным разработку категориально-понятийного аппарата экософии (Шефель, 2000), экстраполируя основные его элементы в плоскость философской рефлексии экологического права (Экософия права, 2016).

Солидаризируясь с позицией известного экософа Н.Н. Киселева в том, что «эвристическое и организующее влияние законов и принципов экологии выявляется не только в сфере рационального природопользования, но и в сферах национальной и мировой культуры, экономики и политики; в сложных процессах созидания государственности... и в глобальных стратегемах дальнейшего развития человечества» (Киселев, 2008. С. 6–7), следует признать, что «знание разнообразной экологической эмпирии надо доводить до понимания» (Киселев, 2008. С. 7), что по сути невозможно без осуществления экософской рефлексии права, чтобы оно стало «важной предпосылкой целостного органического мировоззрения» (Киселев, 2008. С. 7).

Исходя из достижений современной экософской мысли, находим ее соотношение с экософской рефлексией права как отношение целого и частного, общего и специфического. В своей фундаментальности экософия исходит из эниологического знания об универсальных закономерностях энергоинформационного обмена в природной среде, экстраполируя его в плоскость изучения соотношения экологического, антропного, профитабельного и социального как взаимодополняющих друг друга начал коэволюции. Однако если смысл экософии состоит в выяснении законов взаимодействия человека и его социума с природной средой посредством познания всех предельных оснований человеческого бытия с целью обоснования путей достижения социоприродной гармонии, то специфика экософской рефлексии права связана с определением возможностей человека как творца и субъекта права, носителя правосознания влиять на этот процесс с помощью правовых подходов посредством генерирования экоправовых идей, моделирования содержания норм соответствующего им парадигмального характера и конструирования на такого типа законодательном фундаменте своей жизни как биосоциального, правового существа, которое является единственным природным существом, отягощенным ответственностью за сохранение не только собственного рода, но и всей биосферы как природного источника жизни. Поэтому экософская рефлексия права имеет очевидную цель, которая четко определяет ее мировоззренчески-методологическую уникальность в сфере как экософского знания, так и философско-правового: она функционально ориентирована на сохранение, поддержание и развитие человечества и всей биосферной жизни путем утверждения в социуме императивов экоправовой культуры. Это обуславливает необходимость создания адекватной этой цели системы правового воспитания, которая бы выступала надежным условием формирования экологического правосознания творцов постиндустриальной, экологической государственности.

Методология исследования

Экософская рефлексия права как органичная часть пост(мета)неклассической, надынтерсубъективистской философии права имеет целью осмысление сущностной природы феномена права, источников и закономерностей его возникновения и механизма формирования правовой реальности в ее прямых и обратных связях с другими сферами бытия человека в контексте компаративного соотнесения фундаментальных для себя категорий экологичности, антропности, профитабельности и социальности. Экософская рефлексия права четко

ориентирована на то, чтобы доказать, что экософски понимаемое право является эффективным средством гармонизации субъект-объектных отношений в экосфере, а вместе с тем дать возможность исследователю раскрыть пути познания и воспроизведения человечеством себя как ведущей, движущей силы социоприродного гомеостаза, осознанно его направляющей, которая пользуется своей правосубъектностью для сохранения природных основ собственной жизни не только по причине антропологического эгоизма и прагматизма, которые выявляют лишь одну из сторон его бинарной природы, но и исходя из своей гуманистической сущности. Это означает, что экософия права, опираясь на соответствующие рефлексивные способности человека, требует от него сознательно занять позицию соблюдения примата верховенства права на жизнь, представленную во всем ее природном разнообразии, с тем, чтобы право, выполняя миссию защитника природной среды и системного гармонизатора экосоциосферы, позволяло действовать исключительно во имя творчества жизни.

Для экософской рефлексии права значение имеет, конечно, определение приоритетности того или иного типа волеизъявления. Если субъект права осознает необходимость и ценность безальтернативной идентификации себя как цели самой по себе, тогда ему удастся быть в согласии не только с самим собой, но и с другими социальными субъектами, и с природной средой. В экософском смысле последнюю он будет отождествлять со своей колыбелью и источником обеспечения жизнеспособности, ибо природная среда требует к себе ответственного отношения со стороны потребителя ее ресурсов. Это подразумевает понимание субъектом права закона экоправовой справедливости, требующего соблюдать принцип соразмерного, а не полного взаимоисчерпания потенциала разных взаимодополняющих друг друга форм жизни, и на этой основе выстраивать отношение социальных субъектов как агентов природопользования к ресурсам природных объектов в форме заботы о поддержании функции их регенерации. В этом, экософском смысле субъект права всегда должен расценивать природу как высшую самоценность бытия, являющуюся единственным источником его жизни. Таким образом, экософия права, а потом уже и экологическое право и законодательство как такие ментальные и социальные конструкты, которые коррелируют с пониманием свободы волеизъявления субъектом права как единственным условием имплементации его природенных прав, требуют от него и общества, которое он конструирует, принципиально утверждать именно такой подход к обеспечению субъект-объектных правоотношений в экосфере.

Для эффективного воплощения такого подхода, по нашему мнению, в наибольшей степени подходит диатропика. Апелляция к диатропической картине реальности и модели познания, основанной на целостной платформе экософии права, являющейся совокупностью наиболее адекватных суждений относительно принципов и приемов взаимодействия между всеми элементами социоприродного пространства, дает возможность понять, как каждый из них вносит свой вклад в разнообразие, без него неполное, и, в частности, выявить правосубъектный статус человека как творческой индивидуальности и человечества в целом как креативной силы в структуре факторов социоприродного гомеостаза, влияющих на гармонизацию экообщения всех его элементов. Исходя из сущностной специфики диатропики, можно понять, как это, например, представляет Сазонникова, ранее иных исследователей акцентировавшая внимание на этом аспекте проблемы, ее противоположность системной модели познания, которая является наиболее распространенной в современных социальных изысканиях (Сазонникова, 2011. С. 50–51). Однако, в противоположность ей, не принимаем вывод о том, что ни та, ни другая модели не могут быть отнесены к базовым в познании права методологиям как бы в силу их особенностей и особенностей права как предметной научной сферы. Полагаем, что Сазонникова опровергает свой вывод благодаря тому, что сознательно или неосознанно обосновывает иными своими суждениями сорокинский принцип позитивной поляризации (Сорокин, 1997. С. 214–230) в качестве методологического условия гармоничного разрешения их дихотомии (Сазонникова, 2011. С. 51). На самом деле их органичное взаимодополнение позволяет им совместно выступить общей методологической основой любого исследования, в частности и социологического, а тем более в контексте использования экософского подхода как средства познания и реализации права.

Применение принципа позитивной поляризации позволяет, в частности, понять и методологическое значение взаимодополнения диатропики и синергетики для изучения правовых явлений в целом и особенно в рамках предметного поля нашего исследования. Это важно с точки зрения понимания того, что использование диатропики вовсе не стимулирует к отказу от методологических инвариантов в изучении права, а делает акцент именно на выяснении присущего его отраслям разнообразия связей, которые, обладая качеством структуры, не всегда складываются в определенную систему (Сазонникова, 2011. С. 51). Поэтому солидаризируемся с позицией Сазонниковой, обращающей внимание на то, что вопрос о роли синергетики в исследовании права

следует рассматривать в связи не только с системной познавательной моделью, но и с диатропической, потому что в отношении правовых явлений как социокультурных явлений она даже более, чем системная, согласуется с синергетическим подходом благодаря тому, что именно в разнообразии четче всего выявляются нелинейность, хаотичность, многомерность социума (Сазонникова, 2011. С. 51). Тем более и диатропика, и синергетика демонстрируют свои методологические возможности достаточно эффективно в тех исследованиях, в которых пересекаются философское, социологическое, правовое и экологическое знание, сфера функционирования каждого из которых, кроме диалектических законов, подчиняется принципам собственной предметной специфики.

С вышеприведенным тесно связана еще одна методологическая особенность экософского подхода к познанию и реализации права, которую находим в плоскости мировоззренческой характеристики оснований экософии права. Характеризуя ее как форму пост(мета)неклассической философии права, имеем в виду не только такие ее существенные признаки, как признание непротиворечивости знания и ценностей; исключение конфликта или противостояния между формами знания (как внутри науки, так и между научным и вне-научным знанием); нелинейный характер развития научного знания; сохранение всех черт классической и неклассической науки, которые не противоречат этим принципам (Сердюк, 2007. С. 104), дистанцируются от платформы антропоцентризма в любых его проявлениях, которые отождествляются в том числе и с формами научной рациональности эпохи постмодерна. А потому парадигма современной экософии права рассматривается как парадигма гармонизации всех элементов экосферы, достигаемой посредством усиления юридической ответственности каждого человека и человечества в целом как субъектов права, способных исполнить миссию гармонизирующей силы. Экософия права обосновывает статус их как единственных правосубъектов мироздания, имеющих возможность сознательно реализовать свою ответственность на основе признания равноценного для всех ее элементов права на жизнь. Благодаря такому характеру парадигмальности она приобретает форму метатеории, представляющей способ формирования на перспективу такого императивно ориентированного процесса познания, который как суператтрактор может формировать экологическое правосознание генерации творцов постиндустриальной реальности, созидающих ее уже как гармонично функционирующее целостное социоприродное пространство.

Экософская парадигма правопознания постулирует и соответствующий модус надынтерсубъективности в праве, который определяется доминацией принципа экоправовой справедливости в пределах более широкой сферы правоотношений, чем та, которую описывают позитивисты и объективисты, а именно – отношений в экосоциальной сфере, регулируемой нормами экологического законодательства, проникнутыми императивами признания равноценности прав всех субъектов и объектов биосферы. Это и позволяет гармонизировать правоотношения в экосфере, но уже не на почве стихийного алгоритма природной эволюции, а благодаря осознанию субъектами права юридической ответственности как силы, которая способна выполнить существенную роль в гармонизации отношений со всеми объектами экосферы путем применения экософской рефлексии права и шире – экософского подхода к познанию и реализации права в молчаливом диалоге с ними. Основой этого диалога может стать логика правотворчества жизни, которая аксиоматично утверждает примат первичности прав объектов природной среды, равно как и природенных прав людей, над их социально приобретенными правами. Она мотивирует к ограничению произвола людей в плане пользования природными ресурсами, в том числе и, собственно, в плане чрезмерной эксплуатации потенциала человеческого организма, и одновременно ориентирует людей на принятие модели конструктивных и гуманных отношений с природными объектами.

Результаты

Право существует там, где имеет место зависимость между субъектами и объектами бытия, оно предполагает наличие взаимосвязи между ними, что как свойство отождествляется с феноменом экологичности – потребностью во взаимосохранении этих субъектов и объектов для утверждения тенденции к поддержанию жизни. Неслучайно наукой доказано, что потеря любого вида жизни не только уменьшает биосферное разнообразие, но и является условием нарушения необходимого баланса его жизненных сил, катастрофического по своим последствиям для всех его элементов.

Чтобы обеспечить экологически безопасный способ существования, возникла и потребность в осмыслении феномена права как средства гармонизации субъект-объектных отношений в экосфере, а потому и появилась особая отрасль знания – экософия права. Она дала понимание права как особого феномена реальности, который осознается человеком как универсальная ценность. Это позволяет идентифициро-

вать человека как субъекта, который в отличие от иных природных существ осознанно созидает правовое измерение своего существования посредством правотворчества и правоприменения. Благодаря этому качеству человек сознательно формирует правовую сферу как сферу и межчеловеческих, социальных отношений, и отношений со всеми элементами природной среды, определяя их как совокупность взаимозависимых субъектов и объектов правоотношений. В ценностной структуре в этой связи системообразующий, императивный характер приобретают нормы экологического и природоресурсного права.

В развитии изложенного выше особое значение имеет анализ позиции Хеффе, который в контексте выяснения аксиологического смысла экологического права вполне обоснованно следующим образом характеризует основной принцип экологической справедливости: «сумма природы в первичном состоянии и искусственных (“технических”) эквивалентах ее ресурсов составляет экологический баланс, который не должен ухудшаться» (Хеффе, 2007. С. 386). Такая позиция коррелирует с нашей точкой зрения на решение проблемы обеспечения в правотворческой и правоприменительной деятельности примата приоритетности прав природной среды, включая и прирожденные права самого человека, относительно обретенных человечеством социальных прав, в том числе и прав природопользования.

В принципе Хеффе предостерегает от любых шагов, направленных на нарушение необходимого для существования всего живого социоприродного баланса. Он напоминает об опасности действий, связанных с сужением ареала существования дикой природы и антропо-техногенной перегрузкой биосферы во всех ее компонентах. Исходя из его предостережений, особенно по поводу того, что для природной среды идея справедливой компенсации за нанесенный ей урон является «более важной, чем идея справедливого обмена» (Хеффе, 2007. С. 386), экософ в нем явно побеждает антропоцентриста. Благодаря этому ему удастся подняться на уровень, необходимый для того, чтобы раскрыть основополагающий аксиологический смысл экологического права. Именно при таком правопонимании возникает потребность поднять идею справедливости между поколениями человечества на уровень экологической императивности конституционной нормы, тем самым создавая высшие законодательные предпосылки для ее обязательного правоприменения (Хеффе, 2007. С. 387).

Таким образом, становится очевидной необходимость снять проблему коллективной вины всех поколений людей за оставленное ими экологическое неблагополучие. По мнению Хеффе, это возможно при

осуществлении мер по крайней мере в трех следующих направлениях: во-первых, в рамках заботы о престарелых гражданах, соблюдавших предписания экологического законодательства, им можно установить дополнительные «пенсии за соблюдение экологического баланса», и наоборот – в случае нарушения ими в прошлом такого законодательства размер их пенсионного обеспечения можно сократить (Хеффе, 2007. С. 387); во-вторых, обязать поколение, которое позволяет себе из-за роста численности населения больше обычного загрязнять природную среду, увеличить бюджетные отчисления на экологические расходы пропорционально нанесенному ей ущербу (Хеффе, 2007. С. 386); в-третьих, с помощью технико-технологических инноваций создать равноценную замену невозполняемым природным ресурсам, учитывая не только техническую, но и эстетическую сторону проблемы экологической безопасности социоприродной среды.

Отсюда смысл экософского определения сущности права в контексте рефлексии его аксиологических оснований состоит в том, чтобы понять ее как воплощение стремления человеческого существа к правовой самореализации посредством воспроизводства жизни в гармоничном единении со всеми природными существами для утверждения целостности их «естественного общежития» и непрерывности его развития по законам и принципам экоправовой справедливости. Это человеческое стремление как природный дар, на наш взгляд, следует осознать в качестве одной из высших ценностей в иерархии правовых ценностей, без наличия которой остается непонятным концептуальное содержание самой возможности осуществления права на жизнь как условия творчества человеком ее самой. Из этого выводим необходимость строгого соблюдения принципа равноценности естественных прав всех живых существ, элементов экосферы, благодаря чему и возможна гармонизация отношений между ними, чем и обеспечивается при экоправовом способе целостность социоприродного гомеостаза.

Наконец, отметим, что экологизация правосознания в контексте экософской рефлексии такого подхода в обосновании права означает аксиологическое обновление субъектом права содержания нормы закона на основании применения к ее конструированию принципа верховенства права, понятого в аспекте решения проблемы нашего исследования как принцип первичности и верховенства экологического права, экоправовой справедливости, равноправия, уважения к другим природным созданиям как к себе самому. Только посредством такой процедуры субъект права сможет осуществить собственную экзистенцию как процесс экосоциального моделирования, утверждающий его

сущностное я, его подлинную экогуманистическую природу. Это открывает для него возможность, оставаясь самим собой, самосовершенствоваться, воспроизводя свою экологическую сущность. Так понимаемая субъектом права идея самореализации является условием освобождения его сознания от устаревших, мировоззренчески ограниченных стереотипов правопонимания и утверждения гуманистических правовых ценностей в качестве убеждений, побуждающих к воспроизводству стойких привычек и навыков правомерного поведения в эко-социальной коммуникации, целью которой выступает деятельность, направленная на созидание экоправовой государственности, соответствующего типа культуры гражданского общества – правовой культуры творчества жизни.

В этом плане экософский анализ философского наследия, в частности и особенно концепции Хеффе, имеет большое значение для обоснования адекватной стратегии развития в нашей стране экоправовой государственности и гражданского общества, которое идет на смену нынешнему формату российского социума вследствие действия социальных аттракторов, ведущее место среди которых принадлежит праву в целом и в том числе парадигмально обновленному экологическому праву. Среди интеграционных возможностей глобализационного процесса, которыми может творчески воспользоваться Россия в этом смысле, нельзя игнорировать и опыт созидания гражданского общества и правовой государственности в странах Скандинавии. Этот опыт ориентирует на переход в глобализационном процессе от акцента на негативной поляризации к акценту на позитивной поляризации (термины П.А. Сорокина, 1997. С. 214–230) правосубъектов. В контексте его диатропического понимания для властных институтов суверенных государств, опирающихся на волю уполномоченных органов мирового сообщества (ООН), закрепленную в содержании норм международного права и положениях международных форумов и организаций по вопросам обеспечения устойчивого развития (OECD Environment Working Paper N 31, 2011; Our Common Future, 1987; Report of the United Nations ... , 1992. P. 3–7; Report of the United Nations ... , 2012; The Assisi Declarations, 1999. P. 604–607; WWF, 2014. P. 16, 33), возникает возможность солидарно с гражданским обществом «снять» путем синтеза достижений мировой правовой и экологической культуры техногенную цивилизацию. Цель этой глобальной процедуры – вернуться к экосоциальной гармонии, но уже на высшем уровне развития социума, когда он как сфера господства экологичного разума станет той фазой развития информационной цивилизации, которая выявит себя как со-

звездие гармоничного взаимодействия взаимодополняющих друг друга типов ментальности, в том числе и правовой, и этнокультур полиполярного, но единого в своей целостности экоправового пространства. Очевидно, что классические, традиционные социальные практики не в состоянии обеспечить такой эффект взаимодействия институтов социума, и тем острее ощущается потребность в креативных проектах, технологиях, практиках такого взаимодействия,

По утверждению Ю.Г. Волкова, «креативные практики, реализующие потенциал социальной солидарности российского общества, направлены на ее закрепление в повседневности и возвращение общества к коллективным нормам и ценностям. Это особо важно в нынешней ситуации, где явно непригоден сценарий экстремальной солидарности, которая дает кратковременный позитивный эффект, но имеет негативные последствия в виде роста социальной индифферентности и разочарования в период затяжного кризиса» (Волков, 2017. С. 42).

Такая стратегия развития цивилизации в целом и всех российских регионов в частности, направленная на императивное обновление регулирования правоотношений в экосоциосфере, должна содействовать созданию условий для развития личности субъекта права на почве ее гармоничного сосуществования с природной средой, в чем и состоит цель существования экологического общества. Это открывает возможность приращивания носителями разных типов ментальности социокультурных качеств, которые характеризуют природосообразный стиль бытия.

Именно такое представление вносит в контекст социологического дискурса значимые для каждого человека понятия «природная среда», «жизнь», «экологическая личность», «экологическое право», «эко-социальная сфера», «экологическая справедливость», «межвидовая солидарность», что позволяет, сопоставляя образ экологического права с образом человека, понять экологические основания сосуществования природной среды и социума, благодаря которым выявляется значение экософско-правовой методологии как основы природосообразного способа человеческого мышления и деятельности.

Смысл данного мировоззренчески-методологического подхода состоит в обосновании права как фактора гармонизации отношений в экосфере посредством экологизации правосознания субъектов права и утверждения его в качестве детерминанты поведения людей посредством использования логики творчества жизни как проявления экоправовой культуры. В этой связи экософский подход проявляет себя и как способ осмысления предельных, внеюридических оснований экологи-

ческого права и определения его места в правовой сфере вообще, и как способ познания феномена экологичности как универсального качества природы права. Он также характеризует себя как специфический метод, методологию, системную совокупность средств правопознания и правореализации, которые определяют особенности процессов экологизации правосознания и формирования экоправовой культуры как культуры правотворчества жизни. Он позволяет социуму в каждом регионе мира, в том числе и во всех регионах РФ, особенно в Республике Крым, реализовать себя и как правотворческий, и как правоприменительный фактор гармонизации субъект-объектных отношений в социоприродном пространстве.

Именно экософская рефлексия права имеет вполне закономерную цель, четко определяющую ее мировоззренческо-методологическое своеобразие в когнитивной сфере: она функционально ориентирована на воспроизводство ментальности сохранения и человеческого рода, и биосферы, в том числе репродукции экологических ценностей, и тем самым показывает себя концептуальной основой системы экоправового воспитания как способа формирования генерации творцов экологической государственности. Используя такую процедуру в познании права, его субъект сможет осуществить собственную экзистенцию как процесс экосоциального моделирования посредством обеспечения функционирования ценностей экологической культуры, выявляющий его сущностное я и подлинную гуманистическую экоправовую природу. Это открывает для него возможность, оставаясь самим собой, самосовершенствоваться, воспроизводя экологическую сущность собственной правосубъектности. Так понятая субъектом права идея самореализации является условием освобождения его сознания от устаревших и мировоззренчески ограниченных стереотипов правопонимания и утверждения гуманистических экоправовых ценностей в качестве убеждений, побуждающих к воспроизведению стойких привычек правомерного поведения в процессе экосоциальной коммуникации, целью которой выступает деятельность, направленная на созидание экоправовой государственности, правовой культуры творчества жизни и гармонизацию правоотношений в экосфере на территории всех регионов страны, включая и Республику Крым, особенно на современном этапе ее реинтеграции в Российское государство.

Исходя из вышеизложенного, можно понять методологическую специфику экософско-правовой парадигмы и определить, какое место экософский подход занимает в системе средств познания и реализации права, но особенно в деле обеспечения функционирования экологиче-

ских ценностей. Результатом его применения должна стать парадигмальная смена духовно-творческой ориентации правосубъектности человека, направленная на оптимизацию использования социумом природных ресурсов, в том числе и человеческих, которые, к сожалению, еще, как правило, затрачиваются на борьбу людей между собой и с природной средой, а также переключение этих сил на солидарное сотворчество властных институтов государственности и гражданского общества как условие выведения каждого субъекта права и социума в целом на уровень сознательных аттракторов гармонизации правоотношений в экосоциосфере.

Глубина угрозы последствий техногенного развития мировой цивилизации ставит на повестку дня, в том числе и для всех россиян, независимо от региона, в котором они проживают, как неотложную задачу осуществление экофильного поворота в правосознании граждан, что предполагает создание адекватной этому глобальному вызову системы экоправового воспитания. В ее основу обоснованно закладываем конструкт экофильности в природе права, что позволяет ментально и организационно обеспечить достижение цели правового воспитания – сформировать экологичное правосознание граждан.

Содержательно в рамках данного процесса складывается в качестве его особого аспекта конструкт экоправового воспитания, без которого невозможно наладить адекватное функционирование экологических ценностей. Он понимается как процесс целенаправленного воздействия на правосознание личности с целью активизации глубинных экофильных оснований ее правового бытия и формирования активной позиции относительно соблюдения прав природной среды и обеспечения экологической безопасности, а также воплощения их как основополагающих императивов стратегии жизнотворчества, прежде всего, с целью созидания экоправовой государственности.

На основании изложенного считаем, что экологическая перспектива Крыма – это его экологическая реновация. Ее обоснование предполагает смещение акцента с антропоцентристской позиции авторов ныне реализуемых в регионе и в стране в целом экологических программ (Государственная программа Республики Крым ... , 2018; Основы государственной политики ... , 2013; Отчет Министерства экологии ... , 2018; Федеральная целевая программа ... , 2014) на их экогуманистическую составляющую. Это означает их императивное реформатирование с учетом соблюдения приоритета принципа верховенства правоохранительной функции в триаде мер по восстановлению, сбережению и использованию потенциала природной среды Крыма

для ее адекватного воспроизводства, а затем и внедрения модели ресурсосберегающей экономики и развития рекреационной сферы на основе экотехнологий.

Заключение

Подытоживая, отметим, что новизна постановки исследуемой проблемы содержится в определении методологической специфики рефлексии антропологических и аксиологических оснований права в контексте экософско-правовой парадигмы. Исходя из этого, понимаем, что ключевым фактором желаемой эволюции социума должен стать правовой человек как экологично-целостная личность и творческая индивидуальность. Формирование ее не может быть не связано с экологизацией правосознания, духовным ее обновлением на почве обретения знаний о гармонизации социальных отношений в целом и правоотношений в экосфере в частности, где решающая роль отводится фактору признания человеком своей ответственности по отношению ко всем проявлениям жизни. В этом смысле человек, который воспитывается как экоправовая творческая личность, как раз способен осознать и взять на себя ответственность и за собственную жизнь, и за будущее социума, и за поддержание баланса жизненных сил биосферы. Следствием ценностно ориентированного развития человека и его социума должна стать оптимизация потребления невозполняемых природных ресурсов, в том числе и человеческих, которые затрачиваются на борьбу людей между собой и с природной средой, для переключения их сил на солидарное творчество, что является условием выведения их на уровень сознательных субъектов социоприродной гармонизации.

Именно в таком гносеологическом плане экоправовой человек имеет возможность осознать свою ответственность как право конструктивного волеизъявления, направленного на обеспечение творчества жизни. Адекватно идентифицируя себя как правотворческое существо, он может посредством конструктивной интеллектуальной деятельности утвердить свой статус как ведущей силы, сознательно направляющей в гармоничное русло процесс социоприродного гомеостаза, т.е. выполнить миссию преобразователя своей жизни к лучшему, опираясь на знание законов коэволюции и выстраиваемой на этой почве системы критериев определения доминантности элементов ценностной иерархии в сфере человеческой жизнедеятельности.

Таким образом, метатеоретический характер экософии права как мировоззренческой основы науки экологического права позволяет, во-

первых, понять ее статус как модуса постнеклассического знания, имеющего своим источником сферу экологического правосознания, императивы которого имплементируются в правотворчестве и правоприменении, в конце концов оформляясь в качестве предельных оснований экоправовой культуры путем применения экософской рефлексии права и экософского подхода к познанию и реализации права; во-вторых, выявить, опираясь на диатропическую картину мира, экологичность права как его объективный признак и предназначенность к императивному обновлению науки экологического права, правотворчества, законодательного процесса и регулирования правоотношений в экосфере; в-третьих, опираясь на вышеуказанные возможности, социологически обосновать и адекватно сформировать систему функционирования экологических ценностей в любом регионе России, включая и Республику Крым.

Литература

References

Волков Ю.Г. Солидарная активность в российском обществе: креативные практики // Социс. 2017. № 2. С. 41–48.

Герасимов А.В. Экологическая безопасность современной России: политика обеспечения. М. : РУДН, 2008. 201 с.

Государственная программа Республики Крым «Охрана окружающей среды и рационального использования природных ресурсов Республики Крым на 2018–2020 годы» (проект). Режим доступа: <http://minek.rk.gov.ru/ru/structure/677>.

Гьофе Г. Демократія в епоху глобалізації. К. : ППС, 2007. 425 с.

Йонас Г. Принцип відповідальності. У пошуках етики для технологічної цивілізації. К. : Лібра, 2001. 400 с.

Кисельов М.М. Понятійний апарат і закони сучасної екології. К. : Парапан, 2008. 176 с.

Лосев К.С. Мифы и заблуждения в экологии. 2-е изд., доп. М. : Научный мир, 2011. 224 с.

Маєр-Абіх К. Повстання на захист природи. Від доквілля до спільносвіту. К. : Лібра, 2004. 196 с.

Овезгельдыев О. Синергетическая теория жизни: природа, алгоритм, самопостижение, осознанная эволюция. К. : Научная мысль, 2009. 112 с.

Volkov, Yu.G. (2017). Solidarist activity in Russian society: creative practices. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2, 41-48. (in Russian).

Gerasimov, A.V. (2008). Ecological security of modern Russia: the policy of ensuring. Moscow: RUDN. 201 p. (in Russian).

The State Program of the Republic of Crimea “Protection of the Environment and Rational Use of Natural Resources of the Republic of Crimea for 2018-2020” (draft). Available at: <http://minek.rk.gov.ru/en/structure/677>.

Giesle, G. (2007). Democracy in the Globalization period. K.: PPS. 425 p. (in Russian).

Jonas, G. (2001). Principle of responsibility. In search of ethics for technological civilization. K.: Libra. 400 p.

Kiselev, M.M. (2008). Conceptual apparatus and laws of modern ecology. K.: Parapan. 176 p.

Losev, K.S. (2011). Myths and misconceptions in the environment. Moscow: Nauchniy mir. 224 p. (in Russian).

Maer-Abih, K. (2004). Revolt to protect nature. From the environment to the world community. K.: Libra. 196 p.

Ovezgeldyev, O. (2009). Synergetic theory of Life: nature, algorithm, self-realization, conscious evolution. Kiev: Nauchnaya misl. 112 p. (in Russian).

Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года : утв. Президентом РФ 30.04.2012 г. // Консультант плюс. 2013.

Отчет Министерства экологии и природных ресурсов Республики Крым об изменениях за время пребывания Республики Крым в Российской Федерации. Режим доступа: <http://minek.rk.gov.ru/ru/sitemap>.

Попкова Н.В. Философия техносферы. М. : Libroком, 2014. 344 с.

Сазонникова Е.В. Диатропическая познавательная модель: понятие, применение в праве и соотношение с системной познавательной моделью // Российский юридический журнал. 2011. № 1. С. 47–54.

Сердюк О.В. Соціологічний підхід у сучасному правознавстві: пізнання соціальності права. Х., 2007.

Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени / пер. с англ., сост. и предисл. Т.С. Васильевой. М. : Наука, 1997. 351 с.

Сосунова И.А. Экология предметного мира: концептуальные основы и социальная практика. М. : НИА-Природа, 2014. 152 с.

Федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года» : утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 11 августа 2014 г. № 790.

Хёсле В. Философия и экология : пер. с англ. М. : Наука, 1993. 205 с.

Шефель С.В., Шилин К.И. Русская социология будущего. Первая энциклопедия третьего тысячелетия. М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2000. Т. 2. 376 с.

Экософия права / под общ. ред. С.В. Шефеля. Симферополь : Ариал, 2016. 378 с.

Яницкий О.Н. Экологическая парадигма как элемент культуры // Социологические исследования. 2006. № 7. С. 83–93.

Bormann F.H., Kellert S.R. Ecology, economics, ethics. New Haven : Yale University Press, 1991. 233 p.

Catton W.R., Dunlap R.E. Environmental Sociology: A New Paradigm // American Sociologist. 1978. Vol. 13. P. 41–49.

Higgins R. The Seventh Enemy. The Human Factor in the Global Crisis. L. : Hodder

Fundamentals of state policy in the field of environmental development of the Russian Federation for the period up to 2030: approved. President of the Russian Federation 30.04.2012 // Consultant Plus: reference legal system.

Report of the Ministry of Ecology and Natural Resources of the Republic of Crimea on changes during the stay of the Republic of Crimea in the Russian Federation. Available at: <http://minek.rk.gov.ru/en/sitemap>.

Popkova, N.V. (2014). Philosophy of the technosphere. Moscow: Librokom. 344 p. (in Russian).

Sazonnikova, E.V. (2011). Diatropic cognitive model: concept, application in law, and correlation with the systemic cognitive model. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 1, 47-54. (in Russian).

Serdyuk, O.V. (2007). Sociological approach in modern jurisprudence: knowledge of the sociality of law. Kh.

Sorokin, P.A. (1997). The main trends of our time. Moscow: Nauka. 351 p. (in Russian).

Sosunova, I.A. (2014). Ecology of the subject world: conceptual bases and social practice. M.: NIA-Priroda. 152 p. (in Russian).

Federal target program “Social and economic development of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol until 2020”. Approved by Resolution of the Government of the Russian Federation of August 11, 2014 No. 790.

Hesle, V. (1993). Philosophy and Ecology. M.: Science. 205 p. (in Russian).

Shefel, S.V., Shilin, K.I. (2000). Russian sociology of the future. The first encyclopedia of the third millennium. Moscow: RIC ISPI RAS. Vol. 2. 376 p. (in Russian).

Ecosophy of law. Ed. S.V. Shefel. Simferopol: Arial. 2016. 378 p. (in Russian).

Yanitsky, O.N. (2006). Ecological paradigm as an element of culture. *Sociologicheskie issledovaniya*, 7, 83-93. (in Russian).

Bormann, F.H., Kellert, S.R. (1991). Ecology, economics, ethics. New Haven: Yale University Press. 233 p.

Catton, W.R., Dunlap, R.E. (1978). Environmental Sociology: A New Paradigm. *American Sociologist*, 13, 41-49.

Higgins, R. (1978). The Seventh Enemy. The Human Factor in the Global Crisis. L.:

&Stoughton, 1978. 303 p.

Lovelock J. Gaia: The Practical Science of Planetary Medicine. Oxford : University Press US, 2001.

Millennium Development Goals and beyond 2015. Ensure environmental sustainability. Fact sheet. Available at: http://www.un.org/millenniumgoals/pdf/Goals_7_fs.pdf.

Nash R. The right of nature. A history of environmental ethics. Madison : The University of Wisconsin Press, 1988. 290 p.

Naess A. Ecology, Community and Lifestyle: Outline of an Ecosophy. Cambridge : Cambridge University Press, 1993.

OECD Environment Working Paper N 31, March 2011, Mediumterm Management of Green Budget. Available at: <http://www.oecd.org/officialdocuments/>.

Our Common Future, Report of the World Commission on Environment and Development, World Commission on Environment and Development, 1987. Available at: <http://www.un.org/documents/ga/res/42/ares42-187.htm/>.

Report of the United Nations Conference on environment and development (Rio de Janeiro, June 3-14, 1992). Vol. I. P. 3-7.

Report of the United Nations Conference on Sustainable Development. Rio de Janeiro, Brazil, June 20-22, 2012. Available at: <http://www.uncsd2012.org/content/documents/814UNCSD%20REPORT%20find%20revs.pdf>.

Rolston III H. Is There an Ecological Ethics? // *Ethics*. 1974. Vol. 85, № 1. P. 93-109.

The Assisi Declarations, 1999 // Cultural and spiritual values of biodiversity, UNEP, Intermediate Technology Publications. P. 604-607.

WWF. 2014. Living Planet Report 2014: species and spaces, people and places / R. McLellan, L. Iyengar, B. Jeffries and N. Oerlemans (Eds.). WWF, Gland, Switzerland.

Hodder &Stoughton. 303 p.

Lovelock, J. (2001). Gaia: The Practical Science of Planetary Medicine. Oxford: University Press.

Millennium Development Goals and beyond 2015. Ensure environmental sustainability. Available at: www.un.org/millenniumgoals/pdf/Goals_7_fs.pdf.

Nash, R. (1988). The right of nature. A history of environmental ethics. Madison: The University of Wisconsin Press. 290 p.

Naess, A. (1993). Ecology, Community and Lifestyle: Outline of an Ecosophy. Cambridge: Cambridge University Press.

OECD Environment Working Paper N 31, March 2011, Mediumterm Management of Green Budget. Available at: www.oecd.org/officialdocuments/.

Our Common Future, Report of the World Commission on Environment and Development, World Commission on Environment and Development, 1987. Available at: www.un.org/documents/ga/res/42/ares42-187.htm/.

Report of the United Nations Conference on environment and development (Rio de Janeiro, June 3-14, 1992), Vol. I. P. 3-7.

Report of the United Nations Conference on Sustainable Development. Rio de Janeiro, Brazil, June 20-22, 2012. Available at: www.uncsd2012.org/content/documents/814UNCSD%20REPORT%20find%20revs.pdf.

Rolston, III H. (1974). Is There an Ecological Ethics? *Ethics*, 85, 1, 93-109.

The Assisi Declarations, 1999. In Cultural and spiritual values of biodiversity, UNEP, Intermediate Technology Publications. P. 604-607.

WWF. Living Planet Report 2014: species and spaces, people and places. McLellan, R., Iyengar, L., Jeffries, B. and Oerlemans, N. (Eds.). WWF, Gland, Switzerland. 2014.

Поступила в редакцию

26 июня 2018 г.